

Много в Москве жило и живет известных или знаменитых людей. Своими работами в литературе и искусстве, науке и технике, своей деятельностью на государственной службе они снискали любовь и уважение не только в своем Отечестве. И, как правило, у каждого из них была (или есть) семья, дети, внуки. Не все они стали столь же знамениты, как их предки. Но разве в этом дело? Главное, что они честно служили и служат избранному ими делу, достойно хранят честь своей фамилии. Развивая традиции «Вечерней Москвы» как семейной газеты, мы открываем сегодня новую рубрику «Продолжатели фамилии». Редакция хотела бы узнать ваше мнение о ней и ваши предложения.

ЗТОЙ ОСЕНЬЮ Илье Ильфу было бы 95. Книжному гарнитуру «12 стульев», созданному им вместе с Евгением Петровым, стукнет зимой 65, но он на редкость современен. Сегодня уже многим в странах СНГ благодаря личным поездкам хорошо знакома одноэтажная и многоэтажная Америка, но и книжка «Одноэтажная Америка» в свои 55 лет может не торопиться на пенсию — день ото дня становится она все ближе и дороже.

С таким арсеналом цифр я смело отправляюсь к дочери писателя, благо знаю Сашу Ильф с тех давних пор, когда она работала редактором в издательстве «Аврора».

— Известно ли вам, — первая задает вопрос Александра Ильинична, — что мне было два года, когда умер отец? — И добавляет: — Поэтому я его совсем не помню.

Неожиданная атака озадачивает, но на помощь приходит Ильф-старший — его фотографии. Их много.

— Господи, — вырывается у меня, — Саша, до чего вы похожи!

Темные волосы, выражение глаз и овал лица одни и те же. И, кажется, «господа присяжные заседатели, лед тронулся»...

— Я отца знаю по рассказам мамы и ее сестры, тети Нади, а позже — его друзей. Мама говорила, что он меня очень любил — настолько, что ни разу не поцеловал, знал, что болен. Когда привезли из роддома, был счастлив и все время повторял: «Какая красавица!». Тут же позвонил тете Наде, просил немедленно приехать, удостовериться. Действительность мало соответствовала его восторгам, и тетушке при ее веселом характере и смешливости не так-то просто было подключиться к ликованию. Когда отец уезжал в Америку, мне не было года, а вернулся — я его не узнала,

плакала и не шла к нему. Он очень огорчился.

Решили в тот год выехать на дачу в самом начале лета. Утром отец на террасе печатал на машинке, меня выпустили гулять. И вдруг с воплем «Папа, жук!» я бросилась к нему, прижалась. Жук оказался страшнее папы, и он рассмеялся. Это все мне рассказала тетя. Я очень боялась чужих. Когда летом нагрянули гости — друзья-писатели, отец позвал меня: «Сашенька, пойдем от этих бандитов пера». И увел гулять.

Он был застенчив, и эту черту я унаследовала полностью. Лет до восьми совсем не ходила в гости. А если уж оказывалась там, брала книгу и читала, чтобы был повод ни с кем не разговаривать.

Отец принадлежал к тем людям,

пало в годы войны, от маминых работ осталось всего несколько картин.

Переезжая несколько лет назад в новую квартиру (проще сказать, в одну комнату), Александра Ильинична постаралась взять с собой многое, что было в Лаврушинском, при жизни родителей. Платяной шкаф, зеркало, приобретенное в двадцатые годы, кресло, геральдических львов, которых купил в свое время отец... И, конечно, книги, книги, их не так уж много осталось — брали читать и не возвращали, потом — война.

А вот несколько забавных фотографий, напечатанных, как с киноленты. То ли это был чем-то примечательный день, то ли просто были молоды. Но чувствуется «крепкая» режиссерская рука, и съемка,

очень географическая страна, если можно так выразиться. Здесь видна природа, здесь нельзя не обращать на нее внимания... Заходило солнце, красное, помаятое, комичное, потерявшее достоинство светило. Красиво и грустно. Стал бы я писать тебе о заходе солнца при моей застенчивости? Как видно, какой-то особенный заход.

— Прочитала послания, и на душе потеплело — столько доброты и нежности, — говорю я Александре Ильиничне. — Вы не хотели бы опубликовать эти письма? Ведь те, что раньше издавались, не имели ни начала, ни конца — личное полностью изымалось.

— Мне бы очень хотелось, но не знаю, куда с ними ткнуться. Все очень сложно. Сейчас участвовала в работе над записными

Век. Москва. — 1992. — 120 стр. — с. 4

Илья Ильф: "СКАЖИ САШЕНЬКЕ, ЧТО Я ЕЕ ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ..."

которые входят в дверь последними. В беседе никогда не навязывал свое мнение, но в своих решениях был тверд. Любил посмеяться, радовался остроумной шутке. Говорили и про меня, что барышня была очень смешлива. Когда я спросила все ту же тетушку Надю, чем я похожа на отца, — ответила: «Чем? Да всем!».

В моей жизни были друзья отца, которые любили его. Они стали для меня как родные. Замечательным, подлинно добрым был Виктор Ефимович Ардов. Бывало, позвонит: «Пеки пирожки, приходи вечером». Я была рада бывать у них, такой это был гостеприимный дом, а хозяин — неутомимый и бесконечно интересный рассказчик. Во мне он видел ушедшего своего друга и всегда говорил: «Как ты на него похожа, вылитый Илья».

Знаете, что интересно, мой сын маленьким был вылитый дед, даже удивительно. Но лет в пятнадцать Илья стал меняться, и абсолютное сходство начало как-то уходить. Остались общие черты...

Я прошу Сашу показать семейные фотографии, если можно, письма. Оказывается, все хранится в идеальном порядке.

...Портрет молодой женщины, большие, светлые глаза, короткая стрижка русских волос.

— Мама была красавица вся, — говорит дочь. — Я, как сейчас, вижу ее за мольбертом — пишет натюрморты или свой автопортрет. Девочкой мне нравилось бегать, играть, особенно летом на даче, а не сидеть часами, позировать. Поэтому мама писала то, что было рядом. Но больше всего любила музицировать и особенно играть с тетушкой в четыре руки Моцарта. У нас была большая нотная библиотека, многое про-

похоже, велась явно по разработанному сценарию.

Утро. Ильф в постели с газетой в руках, вокруг разбросана одежда. Мораль: какой нехороший, ничего его не интересует, кроме своего «Гудка». А он и впрямь читает, забыв о сценарии и о том, что должен изображать нехорошего мужа. На следующих снимках — все прибрано. Мария Николаевна и Илья Арнольдович по очереди смотрят в объектив. Но это, видно, длится недолго. Следующий кадр нарушает задуманный сюжет — героиня падает от смеха на кровать, зарыв лицо в подушку.

А вот и Саша с отцом. Эти снимки сделаны по приезду из Америки — дочери уже два года.

Александра Ильинична достает стопку открыток. Отец писал домой каждый день открытку и письмо, а иногда и по два. Все они начинаются обращением: «Дорогая дочка» или «Дорогой Марусик», но чаще — «Дорогой дружок». В каждом письме спрашивает, как живут и что делают. «Наверное, скоро будут кормить нашу Сашеньку. Скажи Сашеньке, что я ее очень люблю и буду любить еще больше».

«Мои письма становятся длиннее, но мне хорошо тебе писать. Как будто я тебя вижу. А ты чересчур далеко. Про Сашеньку я всегда, кажется, пишу одно и то же — что очень люблю, но ты меня прости, я иначе не могу, не выходит. Очень странно мне будет увидеть нашего Пига. Наверное, совсем другой, но, наверное, еще лучше, чем был. Хотел бы увидеть вас во сне, но сплю здесь крепко и никаких снов не вижу. Целую вас, девочки родные, еще раз. Ваш Илья».

А это письмо — тоже весь Ильф: «...Понимаешь, милый мой друг, это

книжками отца 36—37-х годов. Они будут впервые опубликованы в пятитомном собрании, которое готовится в издательстве «Художественная литература». Уже есть корректура первой книги.

А какой я недавно получила подарок, — говорит Саша. — Помните путешествие отца и Петрова по Америке с четой Адамс? В жизни их фамилия Торн. Мистер Адамс и его жена, Бекки, были очень милые, славные люди. Но я воспринимала их, естественно, как литературных персонажей. Прошло миллион лет, и вдруг звонок из Ленинграда: «Здесь одна англичанка хочет с вами поговорить, эта дама возьмет сейчас трубку».

Старческий, очень энергичный низкий голос:

— Саша! Это Бекки! Ты понимаешь, кто с тобой говорит?

— Этого не может быть! — кричу я. — Бекки, Бекки!

Она была четыре дня в Москве и не смогла разыскать меня. В Ленинграде, оказывается, живет подруга ее дочери. А эта подруга знала мой телефон.

Бекки сейчас 80 лет, живет с дочерью в Англии.

Саша от волнения прихлопывает ладонями по дивану, подпрыгивает, как ребенок.

— В это трудно поверить, это блаженство!

Я рада за сияющую Сашу, благодарна далекой Бекки, хранящей столько лет теплые чувства к И. Ильфу и его дочери.

После звонка ожила и деревянная трещотка, та самая, что описана в «Одноэтажной Америке». Вспомните, как из-за рассеянности мистера Адамса путешественники заблудились за час до наступления Нового года.

«Сэры, — закричал мистер Адамс. — Давайте веселиться. Он молниеносно купил трещотку и с радостным видом принял ее крутить. Какой-то воинствующий юноша треснул мистера Адамса хлопущей по лысине, а мистер Адамс хлопнул его трещоткой по плечу...».

Александра Ильинична берет в руку эту трещотку и крутит ее — два литых стеклянных шарика на эластичных шнурах отбивают звонкую, веселую дробь. Это уже не просто игрушка — это дорогая частичка памяти...

Майя ОКУШКО.

НА СНИМКАХ: из семейного архива (публикуются впервые): Илья Ильф с дочерью Сашенькой; в семье Ильфов скоро обед.